

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(571.16)''18''

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880 – 1919 ГГ.: В 3 Т. ТОМСК: ИЗД-ВО ТОМСКОГО УН-ТА, 2013. Т. 1: 1880 – ФЕВРАЛЬ 1917 Г. / СОСТ. В.П. ЗИНОВЬЕВ, О. А. ХАРУСЬ. 402 С.; Т. 2: МАРТ 1917 – МАЙ 1918 Г. В 2 Ч. Ч. 1: МАРТ – АВГУСТ 1917 / СОСТ. Э.И. ЧЕРНЯК, В.А. ДРОБЧЕНКО. 416 С.; Ч. 2: СЕНТЯБРЬ 1917 – МАЙ 1918 Г. 386 С.; Т. 3: ИЮНЬ 1918 – ДЕКАБРЬ 1919 Г. / СОСТ. Н.С. ЛАРЬКОВ, В.А. ДРОБЧЕНКО. 376 С.

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории,
г. Тверь

Вопреки стремлению нынешнего поколения историков самоутвердиться с помощью монографий и «ваковских» статей хроники событий не потеряли своей актуальности. Некоторые из них особенно востребованы современниками. Известные сюжеты прошлого до такой степени идеологизируются и политизируются, что без беспристрастных хроник, ограничивающих возможность манипулирования самим фактом своего существования, просто не обойтись. Не приходится говорить, что на начальной стадии изучения той или иной темы (к примеру, студентами) взглянуть на последовательность развития событий просто необходимо. Не случайно, в своё время составление региональных хроник было едва ли не обязательным элементом начального этапа изучения сложных событий¹. К тому же хро-

ники препятствуют различного рода спекуляциям относительно жизни и деятельности выдающихся личностей. Так, анализируя хронику жизни и деятельности В. В. Маяковского, можно заключить, что его самоубийство было закономерным².

Конечно, и хроникальным методом можно исказить картину событий. Так, основу одной из «свежих» петербургско-петроградских хроник 1914 г. составили дневники Николая II, что, разумеется, мешает системному восприятию событий. Но даже в этой хронике можно

¹ См., например: *Авдеев Н.* Революция 1917 года: Хроника событий. М.;

Пг., 1923. Т. 1: Январь – апрель; *Шаханов Н. П.* 1917 год во Владимирской губернии: Хроника событий. Владимир, 1927; Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Тамбов, 1927; 1917 год на Киевщине: Хроника событий. Киев, 1928; Хроника революционного движения в Тверской губернии / сост. *Журавлев Н., Паньков И.* Калинин, 1941 и др.

² *Катанян В. А.* Маяковский: хроника жизни и деятельности. М., 1985.

найти такие интересные факты, до которых никогда не доберется сочинитель сугубо «научной» монографии³. И, конечно, хроника локальных событий – основа работы и краеведа, и специалиста по региональной истории⁴.

Несомненно, общественный интерес всегда будет фокусироваться на знаковых политических событиях (войнах, революциях и т. п.). Но и здесь не обойтись без выстраивания последовательного ряда событий. В этом случае хроника может поставить барьер всевозможным «конспирологам», стремящимся протащить свои фантазии в событийные «пустоты». Профессиональные историки, разумеется, стараются противодействовать этой, увы, всё более распространяющейся тенденции⁵. Не так давно появилась хроника событий 1917 г. в Смоленской губернии⁶. Показанное в ней соотношение событий в центре страны и в одной из губерний убеждает, что миф о петроградском заговоре большевиков – удел людей наивных и невежественных. Даже современные «академичные» исследователи склоняются к жанру хроники, справедливо полагая, что это единственный способ

избежать конъюнктурного искажения событий⁷.

К сожалению, в современной регионалистике (даже в связи с «бумом» изучения провинциальной повседневности) соответствующие хроники всё ещё не представлены должным образом. Тем более пристального внимания заслуживает рецензируемая публикация.

Составление «анналов» провинциального уровня стало обычной практикой исследователей истории Сибири⁸. Рецензируемое издание продолжает деятельность такого рода в связи (как отмечают составители) с «необходимостью концептуального наполнения общественного движения, включения в него неполитической части»⁹. Действительно, былая политизация отечественного исторического знания не только обеднила, но и исказила его содержание. Примечательно, что данная работа создавалась на основании единой методики отбора и фиксации фактов, разработанной в Томском университете.

Современные исследователи всё реже используют газетную информацию, но в данном случае пресса тех лет, наряду с архивами,

³ Антонов Б. И. Петербург – 1914 – Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. М., 2014.

⁴ Королева В. А. Хроника культурной жизни Владивостока. 1923–1929. Музыка. Театр. Кино. Владивосток, 2000.

⁵ Косых Е. Н. Хроника событий «Октябрь в Сибири (март 1917 – май 1918 г.)» как исторический источник // Русская революция в контексте истории. Томск, 2008.

⁶ Ильяхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине: Хроника событий. Смоленск, 2007.

⁷ Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

⁸ См.: рец. Л.М. Горюшкина, В.И. Миллера, А.Д. Степанского на статью: Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 210, 212.

⁹ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880 – 1919 гг.: в 3 т. Томск, 2013. Т. 1. С. 9.

составила определяющий компонент источниковой базы. В хронике проявления различных форм массовой политической и неполитической активности 1880–1919 гг., помимо политических партий, их легальной и нелегальной деятельности, всевозможных избирательных кампаний, большое внимание уделено функционированию различных организаций и товариществ, именуемых общественными и добровольными. Среди них научные, культурно-просветительские, досуговые, благотворительные, спортивные, трезвеннические, сословно-профессиональные и т. п. объединения. В целом они дают объемное представление об особенностях жизни губернии.

Томская губерния считалась культурным центром Сибири. Особенно заметно это стало с 1880 г. С этого времени здесь действовали Общественное собрание, Благотворительное общество, отделение Красного Креста, Общество попечения о тюрьмах. Не секрет, что современная историография склоняется к благостному описанию спокойного течения дореволюционного бытия – особенно – в отдаленной «сонной» провинции (которая далеко не всегда бывает таковой). Хроника показывает, что общественная жизнь губернии неуклонно дестабилизировалась. И дело вовсе не в революционной пропаганде. К примеру, в 1883 г. крестьяне одной из деревень Бийского округа разгромили кабак, открытый вопреки желанию сельского общества. Впрочем, в другом селе того же округа священник уговорил

крестьян открыть питейное заведение (т. 1, с. 51–55).

Томск был не только административным центром, но и университетским городом – отсюда быстрая реакция на события в Европейской России. 1899 год ознаменовался всплеском активности студенчества. 24 февраля в Томске на сходку собрались более 400 студентов. Многие заплатили за это. 6 марта на вокзале во время проводов 36 высланных студентов один из них заявил, что готов «отправиться на виселицу за свободу человека» (т. 1, с. 78–79). Но пока дело ограничивалось только словами. Зато в годы Первой русской революции в Томске в результате вооруженного столкновения рабочей дружины и погромщиков погибло 66 человек. Авторы подробно восстановили ход этого события (т. 1, с. 34–36, 157).

Хроника позволяет по-новому взглянуть на природу российского патриотизма начала Первой мировой войны. Мобилизация сопровождалась не только бунтами призывников, но и активизацией черносотенцев в сельской местности (т. 1, с. 352–356). Патриотизма тех дней хватило ненадолго. Уже в июне 1915 г. жены солдат устраивали голодные бунты, затем последовали волнения, связанные с нехваткой сахара. В конце 1916 г. начинается серия продовольственных погромов, возникают нелегальные профсоюзы, активизируются революционеры, выражают недовольство даже военнопленные (т. 1, с. 376, 373, 379–383).

Масштабы деятельности общественности рассматриваемого ре-

гиона впечатляют. К 1917 г. в Томской губернии насчитывалось свыше 200 общественных организаций, большинство которых находились в губернском центре. После Февральской революции они способствовали скорее фрагментации общества, чем его консолидации. Так, призывы к классовому сотрудничеству сочетались с лозунгами о «борьбе с капиталистами». Новый толчок получила шпиономания: в конце апреля в Кузнецке был арестован административно-ссылный пастор Брилин. Создание различных союзов и организацией интенсифицировалось. В начале мая словно по команде возникли союзы кинематографистов, ресторанных служащих, электротехников. В те же дни собрались члены профсоюза «Маляр-художник», а в архиерейском культурном доме был прочитан доклад священника М. Солнцева «Неотложные задачи пастырства» (т. 2, ч. 1, с. 197, 215–217). Разумеется, оживились трезвеннические организации, но результаты их деятельности были все менее заметны.

События в столице по-своему сказывались на местной жизни. Так, 10 июля Совет солдатских депутатов организовал в Томске демонстрацию протеста против действий Временного правительства под большевистскими лозунгами (т. 2, ч. 1, с. 341). Уже в конце лета 1917 г. местные эсеры и областники стали объединяться на антибольшевистской платформе. После корниловского выступления зазвучали призывы о переходе власти к Советам. Одновременно возросло число противоправных действий. Так, один из сельских сходов Куз-

нецкого уезда по влиянием зажиточных крестьян во главе с местным священником решил закрыть местный продовольственный комитет. Тут же был произведён самосуд над двумя лицами, подозреваемыми в преступных действиях (т. 2, ч. 1, с. 5–7, 14, 17).

Фрагментация общественной жизни по линиям столица – провинция, тыл – фронт, город – деревня не исключала их взаимодействия. Возникает вопрос, нужно ли было включать в хронику некоторые заявления томских политических деятелей в столице? Формально – нет. Но по сути некоторые их заявления позволяют восстановить не только ход событий на местах, но и представления о них, складывавшихся в центре. Так, в столице опасались «сепаратизма» окраин. «Всем известно, что в Томске своя собственная республика, у неё свои законы. В Томске фактически уже собрано своё учредительное собрание, создан регламент сибирской федерации», – заявлял крестьянин Скороходов (как видно, из числа крайне правых) в Москве в начале августа 1917 г.¹⁰ Хроника не подтверждает реальность таких представлений.

Октябрьские события в столице жителями Томска были восприняты неоднозначно. 26–29 октября 1917 г. собрание железнодорожников приняло большевистскую резолюцию о «создании единой революционной власти», аналогично высказывались члены других революционных организаций, хотя

¹⁰ Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8–10 августа 1917 года. М., 1917. С. 102–103.

«единая революционная власть» понималась ими по-разному (т. 2, ч. 1, с. 101–103). В промышленных центрах губернии большевики легко захватывали власть. В Томске ситуация была иной, так как здесь обосновались сибирские «областники». 6 декабря 1916 г. Чрезвычайный сибирский областной съезд осудил большевистское выступление в Петрограде и принял положение «О временных органах управления Сибири». Но внешне это как будто ни в чем не проявлялось, казалось, жизнь шла привычным руслом томские большевики только 10 января 1918 г. создали революционный трибунал, а в ночь на 26 января были арестованы, а затем вывезены из города депутаты Сибирской областной думы (т. 2, ч. 1, с. 227, 249).

Из хроники видно, как страна втягивалась в военное противоборство. В Сибири большевикам противостояли главным образом эсеры. Например, 28 марта 1918 г. эсеры похитили из казарм оружие. Тем временем депутаты крестьянских съездов заявляли о признании советской власти, новониколаевские анархисты ожидали, что восторжествует «анархо-коммуны и конфедерация коммун», а в Каинске произошел жуткий публичный самосуд (т. 2, ч. 1, с. 314–315).

Последний том хроники, начинающийся событиями июля 1918 г., охватывает полтора года существования антибольшевистских правительств. Власть Временного сибирского правительства была весьма непрочной: рабочие Томска завили о том, что признают её лишь постольку, поскольку она станет «от-

стаивать права трудового народа». А III общегородская конференция делегатов томских профсоюзов потребовала прекращения произвольных самочинных политических арестов и освобождения всех членов профсоюзов и партийных работников под угрозой всеобщей забастовки. Не обошлось без «эксцессов»: белогвардейцы практиковали убийства «при попытке к бегству», постоянно происходили бессудные расстрелы коммунистов и советских работников (т. 3, с. 13–15, 18, 25). С другой стороны, рабочие легальным путем добивались сохранения 8-часового рабочего дня, а в Новониколаевске они предприняли попытку вооруженного восстания (т. 3, с. 129–131). Положение в деревне было иным: во второй половине октября 1918 г. в Чумайском восстании участвовали около 7 тыс. крестьян 10 волостей. Развернулись действия нескольких партизанских отрядов, некоторые из них сопровождались «страшными жестокостями» (т. 3, с. 153, 160–161, 188–189).

Из хроники следует, что в целом к осени 1918 г. общественная активность ослабла, а после переворота, приведшего к власти А. В. Колчака, стала затихать. Клубы политических партий и профсоюзы к этому времени, как сообщали в МВД, «влачили жалкое существование, встречая к себе скудное сочувствие и поддержку даже среди рабочей и крестьянской массы» (т. 3, с. 185). Очевидно, что обыденная жизнь существенно не менялась несмотря на смену политических режимов, но при этом оставалась не менее пестрой и интенсивной:

хроника того времени охватывает около 2,5 тыс. событий.

Последние дни правления Колчака отмечены активизацией партизан, убийствами должностных и частных лиц. При эвакуации тюрьмы в Каинске белогвардейцы произвели массовый расстрел заключенных (т. 3, с. 337–339, 342–344). Партизанщина серьёзно беспокоила не только белых. В начале декабря 1919 г. на заседании реввоенсовета 5-й Красной армии было принято решение о фактической ликвидации партизанских отрядов. Хроника завершается по-своему символично: в декабре 1919 г. на сторону партизанского отряда перешел 7-й Степной кадровый полк вместе с его командиром полковником Осиповым (т. 3, с. 349, 359).

В рецензируемой работе последовательная череда событий составляет несколько странный, порой, кажется, парадоксальный ряд. То и дело трагическое соседствует с комическим. Но такова реальная история, которую следует не пре-

парировать с помощью доступных современному историческому сознанию понятий, а понимать. Создание погубернских хроник в масштабах всей России могло бы облегчить не только исследовательский, но и учебный процесс: наличие подобных источников информации как нельзя лучше способствует формированию профессиональных компетенций.

Текст томских коллег читается легко, объем информации не оставляет ощущения перегруженности. В значительной степени это связано с тем, что рядом с ключевыми событиями общественно-политической жизни региона постоянно оказываются «неожиданные» картины повседневной жизни «простых людей». Современному читателю остро не хватает подобных хроник. Именно они позволяют преодолеть то отчуждение от собственного прошлого, которым грешат иные научные труды и учебники по отечественной истории.

SOCIAL AND POLITICAL LIFE TOMSK PROVINCE IN 1880 - 1919 HS.: 3 T. IN TOMSK: TOMSK UNIVERSITY PRESS, 2013. T. 1: 1880 – FEBRUARY 1917 / COMPILED BY P. ZINOVIEV, O. A HARUS. 402 PP.; T. 2: MARCH 1917 – MAY 1918 CH. 2 CH. 1: MARCH – AUGUST 1917 / STATUS. E. I. CHERNYAK, V. A. DROBCHENKO. 416 PP.; PART 2: SEPTEMBER 1917 – MAY 1918, 386 PP.; VOLUME 3: JUNE 1918 – DECEMBER 1919 / STATUS. N. S. STALLS, V. A. DROBCHENKO. 376 S.

Tatiana G. Leontieva

The Tver State University, the Dept of Domestic History, Tver

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, доктор исторических наук, профессор (170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31б), e-mail: kroneko@mail.ru

About the author:

LEONT'YEV Tat'yana Gennad'evna – the doctor of historical sciences, professor, the Tver State University, the Dept of domestic history, (170100, Tver, Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru